

ЭТИКА И ПСИХОЛОГИЯ НА ПОРОГЕ НАУКИ

ETHICS AND PSYCHOLOGY AT THE THRESHOLD OF SCIENCE

Лев Самуилович Клейн – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: lsklejn@gmail.com

Leo Klein – doctor of historical sciences, professor, Saint Petersburg State University. E-mail: lsklejn@gmail.com

(Рецензия на книгу: *Щавелев С.П.* Этика и психология науки. Дополнительные главы курса истории и философии науки : учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени к экзамену кандидатского минимума. Курск, 2010. 312 с.)

(Book review: *Schavelev S.P.* Ethics and Psychology of Science. Additional Chapters of the Course on the History and Philosophy of Science: textbook for Post-graduate Students. Kursk, 2010.)

«Битва тигра с буйволом в тропическим лесу» (картина Анри Руссо) на обложке. Молодой рыщущий тигр – вот он, буйвола нужно искать. С кем битва-то?

В Курске вышла живая книга, которую интересно читать, прежде всего вступающим в науку. Вышла смехотворным тиражом 300 экземпляров и напечатана мелким шрифтом – неудобно для чтения. Работ на эту тему у нас чрезвычайно мало, а написанных живо – и вовсе нет. Книга аттестована как учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени к экзамену кандидатского минимума. Учитывая ворох проблем, этических и психологических, встающих ныне перед вступающими на тонущий корабль русской науки, книга чрезвычайно злободневна и абсолютно необходима.

Автор этой книги, Сергей Павлович Щавелёв – дважды доктор наук (исторических и философских), а работает заведующим кафедрой философии в медицинском вузе. Он автор полутора десятков монографий по философии, истории России, историографии гуманитарных наук. Я, занимаясь историей археологии, его заприметил давно как биографа видного дореволюционного археолога Д.Я. Самоквасова (одна из монографий). Еще больше он заинтере-

совал меня как ученик (в историографии) и завзятый сторонник знаменитого археолога А.А. Формозова¹, ставший его поверенным и издателем². Формозов в последних своих книгах выступил против того, что он считал разложением и загниванием отечественной науки, не останавливаясь перед конкретным разбором неблагоприятных поступков и качеств ее виднейших представителей – их сервиллизма, лизоблудства, цинического угодничества, фаворитизма, самодурских замашек и многого другого. То, что не удавалось издать в Москве, Щавелёв издал в Курске. Книга самого Щавелёва посвящена Формозову и открывается его портретом.

Щавелёв менее категоричен, чем Формозов, не так задевает конкретных лиц (хотя примеров в книге много), но о бедах и пороках нашей науки пишет откровенно и жестко. В книге больше 40 небольших глав, не объединенных в группы, но если присмотреться, то можно заметить в ней три основные части. Первая часть, состоящая из более полутора десятков глав, посвящена выбору профессии ученого (сюда относятся главы «Кого считать ученым?», «Мотивация научной работы», «Самоучки в науке», «Профессионалы и любители», «Учитель и ученики» и др.). Вторую часть составляют тоже около полутора десятков глав о науке вообще («Научные школы», «Ученый и власть», «Национализм или космополитизм?», «Измерение вклада России в мировую науку» и т.п.). Третью часть, поменьше, составляют главы о культурном и общечеловеческом облике ученого (о режиме дня, хобби, внешнем

виде, «стимуляторах» умственного труда – алкоголе, никотине и т.п.).

Щавелёв умело находит у корифеев науки афористически отчеканенные идеи и остроты и вставляет их в ткань повествования. Большой частью метко подобранные эпиграфы из литературных произведений придают мыслям второе измерение. Он и сам пишет просто и афористично, его приятно цитировать. Отлично изложена проблема соотношения науки с религией.

Молодежи он рисует истинную картину науки, в которой им предстоит работать, – мизерное финансирование (в десятки раз меньшее, чем на Западе), массовое обнищание ученых, вымывание молодежи из науки, неудержимое старение всей науки и естественная убыль стариков, распад целых направлений и школ без преемников, заполнение мест середнячками (в лучшем случае) и проходимцами. Его оптимистический вывод «краха науки я не предвижу» (С. 32) не вяжется с этой картиной. Разве что если иметь в виду науку в мировом масштабе.

В общем Щавелёв не заманивает молодежь сладкими байками о великих ученых, белых и пушистых. Ученые – такие же люди, с таким же балансом достоинств и недостатков – тщеславие, зависть, корысть. За место под солнцем предстоит бороться – даже больше, чем везде. Реалистично изложена проблема «утечки мозгов» из России – глава «Уехать? Остаться? Вернуться?». Отмечая мафиозный принцип руководства наукой, убивающий в зародыше все меры правительства по приманиванию эмигрировавших и состоявшихся на Западе

¹ См.: Клейн Л.С. Два скандала в археологии // Троицкий вариант. 2010. № 10 (54). С. 14.

² См. весьма поучительные для философии науки книги: Формозов А.А. Рассказы об ученых. Курск, 2004; *Он же*. Статьи разных лет. Курск, 2006; *Он же*. Человек и наука. Из записей археолога. М., 2005; *Он же*. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд., доп. М., 2006.

ученых, Щавелёв пишет: «Из такой науки всегда будут бежать те, кто по возрасту и способностям способен к побегу; в такую науку беглецы никогда не вернуться» (с. 40). Не скажу, что автор решил все проблемы, некоторые изложены скороговоркой. Но поставлены почти все. И показана их сложность. А знаешь проблему – уже наполовину вооружен.

Есть места в книге, с которыми я не согласен. В список повинных в прислужничестве порочной власти наряду с Лёни Рифеншталь (музой фюрера), Кнутом Гамсуном (коллорабационистом) и Мартином Хайдеггером (погромные речи, доносы на коллег) включен этолог и врач вермахта Конрад Лоренц – за «преувеличение звериных черт в человеке» (с. 194). В этом в советское время обвиняли всю этологию человека. Но если отмечено «преувеличение», то не укажет ли Щавелёв норму?

Говоря о практической медицине, что она располагается где-то между наукой, искусством и ремеслом, Щавелёв мотивирует это тем, что «науку не интересуют исключения, все единичное, неповторимое», а «любой пациент, как известно, атипичен...» (С. 232). Но тогда и история – не наука, и география, и искусствоведение. И вообще все науки, которые О. Конт относил к конкретным, а неокантианцы – к идеографическим. И мы вольемся в англоязычную традицию, по которой sciences – это только точные, номотетические науки.

В связи с нынешними национальными столкновениями в России и ностальгией властей по интернациональному единству в Советском Союзе очень любопытно замечание Щавелёва, что «в позднем СССР “партии” составлялись нередко по национальному принципу. Русские профессора были не прочь “пощипать” аспирантов-евреев;

научные руководители этих последних – допустим, какие-нибудь Штоффы или Каганы могли в ответ “прижать” учеников Ивановых да Петровых» (С. 217). По этому поводу в предопределенной рецензии молодого доцента Д.И. Кузнецова отмечено, что одну из национальных группировок Щавелёв иллюстрирует фольклорными абстракциями (Ивановы, Петровы, Сидоровы), а другую вполне реальными персоналиями (Штоффы, Каганы, Свицерские), что не вполне корректно (С. 13).

Клановая взаимопомощь существует у народов, сохранивших пережитки родового строя (например, многих народов Северного Кавказа). Евреи, если исключить кучку верующих, роящихся вокруг синагоги, ушли от этого облика очень давно и далеко. Большинство из тех евреев, которые не уехали в Израиль, а остались в России, уже в прежних поколениях ассимилировались и представляют собой по сути русских еврейского происхождения. Солидарность проявляется у них только в моменты национальных притеснений, да и то она с лихвой перекрывается конкуренцией. Сужу по себе. За 80 с гаком лет меня никто из евреев особо не поддерживал (кроме родителей), а помогали мои русские учителя (в том числе и немецкого происхождения) и однокурсники. Среди моих учеников и друзей евреев не больше, чем в целом по интеллигенции. Самые близкие ученики – русские. Мой приемный сын – татарин. На кафедре моим постоянным противником был еврей.

Между тем национальные противоречия в российской науке (как и в российской жизни) – это, пожалуй, единственная проблема, которая лишь мельком задета в книге Щавелёва, а рассмотреть ее следовало бы. Все ли нации имеют в науке равные успехи, а если нет, то почему? Те же евреи составляют

одну тысячную долю человечества, а среди нобелевских лауреатов их добрая треть, то есть в 300 раз больше, чем полагалось бы по «процентной норме» (между тем Нобелевские присуждает Шведская академия, где евреев нет, а подкупить ее нереально). Может быть, с этим как-то связаны и их успехи на финансовом поприще? Ведь как-никак Б.А. Березовский, прежде чем стать финансовым магнатом, был членкомом по математике (теория игр). Армяне и азербайджанцы имели равные возможности продвижения в советской науке, но армян среди выдающихся ученых у нас и в мире – множество, азербайджанцев – значительно меньше. Что здесь сказывается? Ведь расовые причины мы отвергаем. Значит ли это, что отвергается генетическая обусловленность? Это очень сложный и деликатный вопрос, а решать его на бытовом уровне пришедшим в науку приходится – хотелось бы, чтобы это не усиливало национальные столкновения, а убило их.

Подобных слабостей в книге мало, они не отменяют общей оценки книги как очень полезной. Оригинально сгруппирована библиография. «Официально рекомендуемой литературе» предшествует небольшой раздел: «Субъективно избранная автором литература». В примечании поясняется: «Именно эти книги произвели на автора пособия наибольшее впечатление – я читал и перечитывал их с увлечением, они побудили меня написать настоящее пособие» (С. 293). Конечно, тут есть книга Формозова «Человек и наука», с удовольствием я увидел и свой труд, с двояким чувством – книгу покойного Б.А. Рыбакова «История и перестройка». Как и Щавелёв, я вообще воспринимаю этого ученого двойственно. С одной стороны, восхищаюсь его та-

лантом и волей, с другой – приходится разрушать его построения и отмечать принесенное им зло. Я всегда считал академика Рыбакова выдающейся, двузначной и трагической фигурой советской археологии. Недавно я опубликовал его биографию³. У Щавелёва показан его конец: «Когда исполнилось 100 лет со дня рождения бывшего главы советских археологов академика Б.А. Рыбакова, две-три его ученицы, сами уже престарелые дамы, умильно вспоминали учителя в юбилейном телефильме. К дифирамбам присоединилась и пара-тройка молодых коллег-археологов. А когда несколько лет назад нынешний юбиляр, сданный родным сыном в богадельню, “доходил” там на глазах медицинского персонала и скончался в забвении, помочь ему оказалось некому. Личный архив ученого пропал неизвестно куда. Среди нескольких поколений тех, кто работал под началом Рыбакова долгие десятилетия, суждения о былом патроне разноречивые. Отдают должное незаурядной личности – и тут же с горечью вспоминают самодурство, расправы с неугодными подчиненными, фантастические допущения в научных трудах. Вот вам и “научная школа академика Рыбакова”» (С. 211–212). В примечании сказано: «Богатейший личный архив академика оказался утрачен после того, как того незадолго до кончины принудительно госпитализировали по якобы психиатрическим показаниям».

Ученикам был (и остается) необходим образ великого русского ученого Рыбакова, а живой Рыбаков (отработанный материал) оказался не нужен, и его реальное творчество без надобности – нужны только патриотические выводы. Это та действительность, с которой столкнется молодежь, вступаю-

³ Клейн Л.С. Воевода археологии // Технология власти-2. СПб., 2010 (Нестор. № 14. С. 223–237).

щая в науку, и книга Щавелёва их к этому готовит. Начиная со своей замысловатой обложки. Автор явно сочувствует «молодым тиграм», а «темный буйвол» в «джунглях науки» смутно виден, но знать о его присутствии нужно. Только на прирожденных «тигров от научного познания» вся надежда.

Отмечая «падение престижа профессии ниже “общего плинтуса”», Щавелёв пишет: «Поживем – увидим: что станет с нашей профессией в будущем. Но мы-то ей не изменим. Скорее сдохнем. А на наше место придут другие фанатики. Что будет с ними, я не знаю» (С. 202). Честно.